

В Вёшенской всегда было много гостей. Но с присуждением писателю М. А. Шолохову Нобелевской премии поток приезжих заметно увеличился. Своих многочисленных гостей хлебосольный хозяин в первую очередь возил на Крутояр, озеро Островное, реже бывал с гостями на озере хутора Алимовского, в совхозе им. Шолохова.

Есть прекрасные живописные места на Дону, но Крутояр для писателя имел особое значение. Почему же так дорого было Шолохову это плато?

Страстный поклонник шолоховского таланта Николай Фёдорович Карнаухов, главврач онкологического центра, как-то заехал с приятелем ко мне повидаться, поговорить за чашкой чая.

Рассказывали, что побывали в музее-заповеднике, на автобусе выезжали на Крутояр, были на набережной и т. д. Чувствую, не договаривают, даже сожалеют, что приехали, поэтому спешат домой, хотя оба были в отпуске.

Стоял тёплый осенний день, солнце клонилось к закату. Взяв термос, выезжаем на Крутояр (езды-то 7-8 мин.). Вот, что я им рассказал.

В 60-70-е годы уровень реки Дон в половодье, как правило, поднимался на 7-8 метров. С левого берега Дона с Крутояра до правого берега хуторов Рыбного и Рубёженского простиралась пойма (леса в то время не было), только виднелись густые заросли цветущего густого терновника над берегами да одиночные деревья диких яблонь и груш. Величественно, спокойно, по-богатырски нёс свою ношу батюшка-Дон, набежит лёгонький ветерок со стороны Шутовой горы, зарябит вода, заволнуются небольшие стаи уток всех пород. А в утренние, вечерние зори, поднимется густой пар от тёплой воды, окутает цветущие тер-

новники, а из степи с впадины Зыкова подует напоённый солнцем воздух – красота необыкновенная!

В такие минуты и любили Шолоховы наблюдать в бинокль за красотой природы, с удовольствием попивали чай.

В подтверждение своих слов я разливал душистый чай, настоенный на степных травах (чабрец, душица, зверобой, иван-чай и другие).

Вот здесь на полях рос могучий вяз, старожилы в годы коллективизации (начало 30-х гг.) Ф. Д. Кочетов, Т. А. Табунщиков, В. И. Чумаков иногда видели писателя и двадцатитысячника А. А. Плоткина (прообраз Семёна Давыдова из «Поднятой целины») – они баловались донской щербой, о чём-то оживлённо беседовали. Теперь нам понятно, что здесь, вероятно, рождались главы романа о коллективизации, природа-то описана с натуры.

Ведь когда вода сбывала, пойма Дона между берегами (а это до трёх км) покрывалась густой зеленью Калининского луга, в конце июня-начале июля луг не узнать, весь в цвету: белые, жёлтые ромашки, клевер, медуница, цикорий, васильковый горошек, колокольчики, каких только нет оттенков!

Всегда, попив душистого чая, Шолоховы ехали с Крутояра на луг, нарывали две корзины полевых цветов, отправлялись домой.

На лугу были до полудня, ибо от длительного пребывания заболит голова от пьянящего аромата цветов. Здесь-то и раздолье для пчел, каждый цветочек посетит пчела-труженица.

До глубокой осени в доме Шолоховых аромат степных трав, цветы всегда стояли в вазах на подоконниках, на полу.

Не забывали Шолоховы это место и после уборки луга, в ендах было большое количество уток, в редких зарослях огромные стаи куропаток, диких голубей – это лучший отдых охотника от тяжёлого, эмоционального, напряжённого, творческого труда.

Но дороги эти места Шолохову не только очаровательной природой, здесь жили герои шолоховского романа. В подтверждение своих предположений я привёл своих товарищей к магазину хутора Андроповского, где сам работал с 1960 по 1969 гг., он мне дорог потому, что отсюда я начал жизненную карьеру в трудовой деятельности, здесь я учился у замечательных хуторян – вероятно, у прототипов шолоховского романа, здесь я впервые познакомился с А. А. Плоткиным. А дело было так.

1962 год. Мой тесть Кочетов Фома Давыдович получил коротенькую телеграмму: «В хуторе буду в начале сентября тчк Встречайте тчк Плоткин».

Тёплый, безветренный, погожий сентябрьский день. После полудня (был какой-то праздник) около магазина шум, гам. Из «москвича» зелёного цвета вышел коренастый, плотно сложенный крепыш среднего роста. Все хуторяне узнали своего первого председателя колхоза «Большевицкий Дон». Радостные минуты встречи, подошла очередь и нашего знакомства.

Запомнил я волевое, чисто выбритое лицо с высоким лбом, густую, жёсткую шевелюру. Тёмно-коричневые глаза с лукавиной смотрели на меня. Поразила простая манера обращения: кого узнавал, называл по имени – Тимофей, Фома, Алексей, Филипп. Напоминал Семёна Давыдова: движения отточенные, рабочие, уверенные, но не было щербинки зуба, наоборот – ровный ряд хорошо сохранившихся зубов, и глаза не Семёна Давыдова.

Сопровождать знатного гостя до квартиры поручили мне как самому молодому.

Поселили в доме семьи Королёвых, хозяева ушли во флигель. Условились встретиться утром в магазине.

Утром Тимофей Андреевич Табунщиков, Фома Давыдович Кочетов (мой тесть), Андрей Аронович Плоткин и я отправились на поля совхоза «Терновский». Но в первую очередь посетили школу-семилетку, о которой так мечтал Федотка.

Затем побывали в Янцове логе, где первый бригадир создаваемого колхоза Тимофей Андреевич Табунщиков учил А. А. Плоткина, как правильно держать чапиги плуга «чтобы не зарывался в землю», побеседовали с трактористом трактора С-100 с восемью лемехами, побывали на кульстане и направились в хутор Волоховский на поместье Тимофея Ивановича Воробьёва – знаменитого «деда Щукаря». Хутор и не узнать: здесь отличный свинарник-откормочник на 1000 голов свиней с кормоцехом, башней Рожновского. Побывали на фермах КРС, встретились с доярками, скотниками – всюду задушевные беседы. Особенно тронуло знаменитого гостя обилие птицы в подворьях хуторян.

Уставшие, но радостные мы вернулись в хутор, где нас ждали гости за обильно накрытыми столами с различной выпивкой. Но приглашённые старики, старушки практически не пили, наоборот, было обилие слёз, воспоминаний и ещё раз воспоминаний обо всём пережитом, о трудностях, о проклятой войне, «уничтожившей всё нажитое колхозом», о послевоенном восстановлении и, конечно, разговор о сегодняшнем дне. Мы с супругой Лидией Фоминичной были рады этой встрече, ведь в каждом из собравшихся угадывали шолоховских героев.

Вот первый бригадир – Тимофей Андреевич Табунщиков – да это вылитый Кондрат Майданников, немногословный, трудолюбивый, авторитетный человек. Недаром сам писатель в годы коллективизации на коне приезжал к Тимофею Андреевичу поохотиться на зайцев, лис, иногда даже на волков. Часто писатель оставался и ночевать у гостеприимного хозяина. О чём они беседовали до утра – никто не знал, но в знак благодарности писатель оставлял свой «тормозок», взятый на охоту, взамен просил напечь на капустном листу пирожки с тыквой. Хуторянам было понятно, что этих двух людей связывала не только страсть к охоте. А с выходом глав романа «Поднятая целина», напечатанных в районке, хуторяне догадывались об источнике информации, да и образы героев часто напоминали черты хуторян.

Вот и двоюродный брат первого бригадира Филипп Сергеевич Табунщиков уж больно похож на Якова Лукича Островного. Отменный хозяин – что плетень плетёт – не подкопаешься, первый шорник по всей округе, лучше его никто не завершит приклады или стог сена. Хозяйские постройки – лучшие в хуторе.

Но не любили его хуторяне: «всегда себе на уме», нелюдим, неразговорчив, замкнутый, в разговор никогда не вступал, да и в магазин приходил, смотрел исподлобья, хмурился, «сверлит своего собеседника своими глубоко запавшими маленькими глазами».

О нём хуторяне говорили: «Высокомерен, в пояс не поклонится ни попу, ни учителю, шапку не снимет, глухой к человеческой беде».

Даже с родственниками Филипп Сергеевич общался мало, а Тимофей Андреевич о своём двоюродном брате скажет: «Умная голова дураку досталась».

Посчастливилось мне видеть Тимофея Ивановича Воробьёва в его потрёпанном зипуне, который он надевал даже в сентябрьские дни, шапка-ушанка, ободранная, в дырках от солнцепёка, с поднятой ушкой.

Этот щупленький на вид старичок быстро нашёл контакт и с нами первоклассниками. «По важному делу» он приехал в правление колхоза, к счастью, школа-то была рядом. Дал он и стариковское напутствие, чтобы мы «грызли науку», подарил нам мятую-перемятую районку, но как мы рады были этому подарку, ведь писать-то в школе не на чём. От своей первой учительницы Евдокии Ивановны Кочетовой мы узнали, что это был знаменитый «дед Щукарь», но это нам ничего не говорило.

Только повзрослев, мы узнали, что разговаривали с «исторической личностью».

Я своего тестя сравнивал с Андреем Размётным. Фома Давыдович Кочетов первым пришёл в колхоз, как бедняк, принимал активное участие в коллективизации, по тем временам грамотный человек (окончил два класса церковно-приходской школы), впоследствии стал секретарём сельсовета, а окончив курсы, пожизненно работал бухгалтером колхоза, иногда общался с писателем.

Удивительно повезло моим хуторянам: они часто встречались с великим писателем, иногда он оставался ночевать в шалаше с колхозниками, слушал их рассказы (но никогда ничего не записывал), а они делились и радостями и горем с этим человеком, ведь никто не знал, что их собеседник в скором времени поднимется на невиданную высоту. Этот простой казак будет на равных говорить с самим Сталиным, а свою жизнь посвятит служению вот этим колхозникам, своей Отчизне.

Поражал оптимизм земляков, а какая дружеская атмосфера царила за столом! Да это была одна семья, без идеологической подоплёки, единомышленники во всём, а ведь они прошли суровую школу тяжёлых 30-х гг. с перегибами, репрессиями, ведь в хуторах царил нищета и разруха, а многие семьи пухли от голода.

Запомнил я слова тамады Тимофея Андреевича Табунщикова, сказанные в адрес своего председателя:

– Спасибо и низко кланяемся тебе, Андрей Аронович, что ты не погребовал, а приехал к нам, по-отцовски разрешил обнять и расцеловать тебя за то, что мы пережили вместе, ты учил нас, мы верили тебе, ты к нам приехал и уехал с простым фанерным чемоданом, оставив любовь к простому труженику. Не обижайся, что тебя колотили по безграмотности, но Бог видит, что били без злобы, раз случился жив.

Да и к А. А. Плоткину судьба не благоволила. В годы репрессий (1937–1938 гг.) он был выслан за перегибы во время коллективизации, сначала в город Миллерово, затем уехал в Подмосковье, но никогда не прерывал связь с хуторянами.

И что интересно, знаменитый писатель, несмотря на свою занятость, всегда принимал А. А. Плоткина, а с 1945 г. приглашал его поработать на благо района.

Вот что писал Шолохов Плоткину: «Людей, работающих в Вёшках, – мало, а дела до чёртовой матери! Не думаешь ли бросить своё директорство и переезжать на Лебяжий? Я лично был бы рад видеть тебя в наших краях, да и колхозники тебя

вспоминают частенько. Собирайся к весне. Да и махай в родные края, что на это скажешь?..»

Как много доброго оставили эти люди своим потомкам! Эстафету руководителя колхоза от А. А. Плоткина принял Иван Иванович Пятиков, зампредом был избран тридцатитысячник Павел Игнатьевич Греков. Благодаря их умелому руководству родной колхоз вышел в миллионеры, на смену старого поколения пришли в послевоенный период молодые руководители среднего звена. Все хуторяне помнят Ивана Ивановича Макарова – бессменного руководителя МТФ хутора Андроповского. Степан Гаврилович Зеленков и Кривошлыков Прохор Иванович возглавляли комплексные бригады. Все знали потомственного овцевода Фёдора Ефимовича Овчелупова. Каждый из них проработал в колхозе (затем в совхозе) свыше 45 лет! На заслуженный отдых благодарные земляки провожали с почётом, ведь на груди каждого были правительственные ордена и медали.

Эти люди личным примером воспитали уважительное отношение к труду нескольких поколений. Не случайно и стар и млад на хуторе знали своих передовиков: знатную птичницу, депутата Ростовского облсовета Пелагею Павловну Королёву, доярку Анну Николаевну Гусакову – депутата райсовета почти всех созывов, доярку «трёхтысячницу» Елену Алексеевну Никонову. Все знали тракториста широкого профиля Михаила Михайловича Коньшина (тоже земляк деда Щукаря), отца десятерых детей. Фотографии этих людей всегда были на Доске Почёта колхоза.

И после реорганизации колхоза, образования совхоза «Терновской», а затем создания в начале 80-х гг. совхоза «Поднятая целина» земляки не ударили в грязь, продолжали вместе дело героев романа «Поднятая целина».

13 лет руководил совхозом Фёдор Николаевич Агеев – потомственный хлебороб, талантливый организатор, по натуре простой, волевой человек. Много хорошего сделал он для хуторян: был построен животноводческий комплекс (11 корпусов с кормоцехом и силосными башнями), появились средняя школа, ДК с библиотекой, детсад, почта, магазин и т. д.). Для обеспечения растущего поголовья скота работала оросительная система с десятками фрегатов.

Машинно-тракторный парк насчитывал свыше сотни единиц сельхозтехники, за пять лет совхоз полностью рассчитался по кредитам, ежегодно работал с прибылью.

По пути в станицу Букановскую, когда Шолохов ездил на рыбалку на реку Хопёр, бывало, попросит водителя Сергея Дмит-

риевича Калмыкова притормозить, чтобы посмотреть на новые трактора К-700 с навесными орудиями, на орошаемые поля.

Может, в эти минуты и зародились строки, написанные писателем:

«Очень нужны сегодня родной земле молодые руки – руки хозяйские, не ленивые, заботливые, которые бы не пожалели себя ради всенародного достатка, ради укрепления мощи нашей страны, ради преобразенных сельских нив.

Мне кровно близки судьбы моих сельских соратников. Трудяги колхозов и совхозов – среди них я живу всю свою жизнь, с ними бок о бок работаю уже, надо признаться, много десятилетий. Они любимые герои и моих ранних рассказов, и моих романов, и более поздних очерков и статей...»

В одном из выступлений писатель сказал: «Путь моих земляков к сегодняшней жизни сложный, мучительный. Казачество родило таких великих бунтарей против царского самодержавия, как Степан Разин и Емельян Пугачёв.

В годы революции часть казачества, обманутая генералами, была вовлечена в братоубийственную войну с трудовым русским народом. Поняв свою ошибку, казачество отошло от белого движения.

Почти пятьдесят лет я был свидетелем того, как оно вырастало в социализм...

Обновлялась жизнь, обновлялся Дон, и его обитатели – люди трудолюбивые, упорные, с характером.

Часть этой жизни, этого обновления – в моих произведениях. И, будучи патриотом своей могущественной Родины, с гордостью говорю, что являюсь и патриотом своего родного донского края!»

Перед отъездом Плоткин приехал на Крутояр. Он молча смотрел на красоту водной глади Дона, думал о своём. По его щеке скатилась скупая мужская слеза. Обернувшись, тихо сказал:

– Вот незаметно и пробежала моя жизнь, здесь прошли мои зрелые годы, вычеркнуть из своего сердца людей, эту родную землю я не могу, не имею права. Хорошо было бы установить на пьедестале одноимённый плуг, который бороздил поля моего колхоза.

На восточной стороне станицы туристы видят вдоль дороги скромные указатели – стрелки на Крутояр.

В будничные дни здесь можно встретить туристов одиночек, делегации на автобусах, а в праздничные – и поток свадебных картежей. Здесь бывает многолюдно – люди любят удивительной панорамой.

Вспоминается беседа с первым директором Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова Николаем Александровичем Булавиным, который руководил Шолоховским районом без малого 15 лет.

– Вот здесь установим стелу из нержавеющей стали, в виде развёрнутой книги, где будут золотом отлитые слова: «Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь! М. А. Шолохов».

Но, увы, нет уже Николая Александровича Булавина. Хорошо бы воплотить в жизнь задуманное первым директором музея-заповедника.

Шолохов обессмертил себя творчеством, а вот увековечить памятные места, где любил проводить время великий писатель – это уж дело нашей совести.

За трое суток мы побывали на реке Еланке, где Михаил Александрович Шолохов встретился с будущим героем рассказа «Судьба человека», на знаменитом озере Островном, оказались у дуба-великана и на полях бывшего совхоза «Дударевский», где писатель любил охотиться на дроф. Не могли не заехать на озеро в хуторе Алимовском. Всё это любимые Шолоховым места левобережья Дона.

В один голос мои гости сказали:

– Природа и люди донского края описаны с натуры, и в этом жизненная правда писателя.

Вновь прочитав шолоховские произведения, мои гости приехали в станицу Вёшенскую в лихие 90-е годы, чтобы посетить шолоховские места по правобережью Дона. Нас уже связывало не только творчество гения литературы XX столетия, но и крепкая товарищеская дружба, которую так бережно хранил и ценил великий писатель.

*ст. Вёшенская,
Ростовская обл.*